

**Рогожные знамена:
методы и результаты морального стимулирования
колхозного производства на юге России в 1930-х гг.**

Виталий Александрович Бондарев

Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт), Россия
доктор исторических наук, профессор

Аннотация. В статье освещаются методы морально-психологического стимулирования трудовой активности членов коллективных хозяйств Дона, Кубани и Ставрополья в 1930-х гг. Указаны и охарактеризованы наиболее распространенные из таких методов: «черные» и «красные» доски, рогожные знамена и т.п. Выявлена эффективность перечисленных методов в деле оптимизации колхозного производства на Дону, Кубани и Ставрополье.

Ключевые слова: коллективизация, колхоз, колхозник, колхозное производство, морально-психологическое стимулирование, рогожное знамя, «черная» доска.

УДК
947(470.6)
1930”

Сплошная форсированная коллективизация, осуществлявшаяся сталинским режимом вопреки воле и желанию большинства жителей советской (в частности, южно-российской) деревни, натолкнулась на массовое и упорное противодействие земледельцев. По этой причине в процессе реализации нового аграрного курса в конце 1920-х – 1930-х гг. партийно-советское руководство широко применяло методы административного давления, запугивания и прямых репрессий против всех инакомыслящих и непокорных. На первых порах карательно-репрессивные меры не менее широко применялись и в поспешно созданных колхозах с целью оптимизации их функционирования. Ведь в первой половине 1930-х гг. подавляющее большинство коллективных хозяйств отличалось экономической неадекватностью, а множество колхозников, не получавших за свой труд достойного вознаграждения, не желали работать и халатно относились к колхозной (формально общественно, а в действительности государственной) собственности. Насилие сталинского режима было обращено как против колхозной администрации, так и рядовых членов коллективных хозяйств, дабы заставить их работать.

Однако, как известно, насилие имеет свои пределы и в конечном счете с его помощью невозможно наладить эффективное производство. В этих условиях правительство СССР и идеологи ВКП(б) отыскали иные методы стимулирования советских аграриев, которые можно охарактеризовать как «моральные» или «морально-психологические». Эти методы базировались преимущественно на моральных стимулах: стремлении приблизить «светлое будущее», соответствовать идеалу «сознательного» работника, «строителя коммунизма» и т.д. Материальная заинтересованность при этом не исключалась, но носила вторичный характер. В рамках настоящей публикации мы предприняли попытку осветить применение и результативность моральных методов стимулирования трудовой активности колхозников, основываясь на материалах таких ведущих аграрных регионов, как Дон, Кубань, Ставрополье.

К числу моральных стимулов, которые должны были у нерадивых работников вызывать чувство стыда (с последующим стремлением как можно скорее исправиться), а у передовиков – чувство гордости, относились «черные» и «красные» доски, красные и рогожные знамена, а также красные и белые флажки, орден «болтуна» и пр. Большинство этих моральных стимулов, как видим, носили четко выраженный дуалистический характер: для плохих работников предусматривались позорящие меры, для хороших – прославление. Тем самым подразумевалось, что лентяи и лодыри будут стремиться к исправлению, дабы избавиться от позорного клейма и достичь такой же славной известности, как ударники и передовики колхозного производства.

Наиболее известны среди методов морального стимулирования колхозников «черные» и «красные» доски, или, как их именовали в прессе, «черная доска позора» и «красная доска

почета». В литературе иной раз можно столкнуться с мнением, что такого рода двуцветные доски были изобретены и применялись, начиная с 1930-х гг. На самом деле это заблуждение, по крайней мере, наполовину: возможно, «красная» доска действительно есть продукт творчества большевистских агитаторов, но о «черных» досках такого сказать нельзя, ибо они применялись еще в досоветские времена. Например, в мемуарах писателя Н.Д. Телешева содержатся сведения о том, что знаменитый режиссер К.С. Станиславский проводил со своими актерами упорные ежедневные и ежевечерние репетиции, а за опоздания на них применялись «штрафной журнал, черная доска» [1]. О «черной» доске упоминал и известный знаток старой Москвы В.А. Гиляровский: на нее записывали фамилии членов Английского клуба, исключенных за неуплаченные долги [2].

Большевики восприняли и творчески доработали дореволюционный опыт, добавив к «черным» доскам их антипод – доски «красные». «Черные» и «красные» доски широко применялись в Советской России 1920-х гг., в чем нетрудно убедиться, ознакомившись с периодикой. Наибольшую же известность и распространение подобные методы морального стимулирования получили накануне и в процессе «колхозного строительства» 1930-х гг. Так, один из хлеборобов писал в «Крестьянскую газету» в 1928 г., когда представители власти проводили «чрезвычайные» хлебозаготовки: «сельсовет в своем помещении, где он находится, поставил ученическую доску и написал несколько дворов, в том числе и мое хозяйство, что мы кулаки и злоумышленники Сов. Власти, потому что мы не везем хлеб в государство» [3].

Уже из вышеприведенной цитаты очевидно, что «черные» доски существовали в реальности, как вещи, как предметы; о том же свидетельствуют дошедшие до нас рисунки и фотографии. Зачастую «черные» доски, действительно, представляли собой школьные доски (они либо изготавливались по тому же подобию или просто заимствовались в учебных заведениях). На досках этих мелом записывались имена и фамилии нерадивых колхозников или номера отстающих бригад и фамилии бригадиров. В ряде случаев на доски крепились листы бумаги с таким же текстом [4]. Вместе с тем с конца 1932 г. в прессе Северо-Кавказского края была введена особая рубрика – «черные» и «красные» доски. Это был столбец текста с соответствующим заглавием наверху; в тексте перечислялись те или иные колхозы или машинно-тракторные станции, которые не выполняли (или, наоборот, выполняли и перевыполняли) поставленные перед ними задачи.

Вообще в прессе непременно печатались сведения о занесении тех или иных колхозников и колхозов на «черные» и «красные» доски. Так, в сентябре 1934 г. на «доску позора» Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края была занесена Эмма Ксанке из колхоза «Карл Либкнехт», которая систематически не выходила на работу. Было решено, что ее имя будет на доске до тех пор, пока она не начнет хорошо трудиться. На такую же доску было занесено имя колхозницы сельхозартели «Свободный труд» той же МТС Марии Коваленко, у которой на счету было лишь 10 трудодней [5]. Случалось, что колхозники попадали на «черную» доску не за плохую работу, а за упущения в домашнем хозяйстве, за антисанитарию в доме и т.п. Так, по словам одной из участниц проходившего в марте 1934 г. Азово-Черноморского краевого совещания заместителей начальников политотделов МТС по работе среди женщин рассказывала, что одна из колхозниц упорно не желала следить за чистотой в своем доме, поэтому «пришлось ее занести на черную доску, но после этого, когда мне приходилось приезжать в этот колхоз, заходить к ней, то она предупреждала: «Вы, пожалуйста, ноги вытирайте и т.д.» [6].

Колхозы на «черные» и «красные» доски заносились не реже, чем колхозники. В частности, в августе 1934 г. на «черную доску» были занесены колхозы Гулькевичской МТС «1 мая», «Либенау», «Украинец» за «срыв скирдования и отсутствие борьбы с потерями урожая» [7]. В октябре того же года «на черную доску позора» были занесены колхозы Некрасовской МТС Азово-Черноморского края «Красная звезда», «Огонек», «По пути Ильича», которые чрезвычайно медленно проводили озимый сев. А вот на «красную доску почета» в то же время были занесены другие колхозы Некрасовской МТС, вовремя выполнившие план сева: сельхозартель им. Урюпина и коммуна «Тенгинские Выходы». Кроме того, «кандидатом на красную доску» был зарегистрирован колхоз «Зарево Мировой революции», выполнивший план сева на 80 % [8]. Вершиной же «чернодосочных» инициатив сталинского режима стало занесение на «черную» доску 15 станиц Северо-

Кавказского края осенью 1932 г. за срыв хлебозаготовок (хотя они, как известно, были явно завышены).

Иной раз «красные» доски вводились в ознаменование какого-либо важного для советской общественности события. Например, в сентябре 1934 г. в колхозах Березанской МТС Кореновского района Азово-Черноморского края была учреждена Доска почета имени XX МЮДа (МЮД – Международный юношеский день, отмечающийся 1 сентября). На эту доску было решено, по предложению Кореновского райкома ВЛКСМ и политотдела Березанской МТС, занести имена ударников-комсомольцев. Первоочередными кандидатами стали комбайнеры Никифор Одарюк и Константин Луговой, а также их штурвальные Сумин и Вали-Мухаметов, значительно перевыполнившие план уборки зерновых и сэкономившие немало горючего [9].

Существовала своеобразная иерархия «красных» и «черных» досок. На низших ступенях находились доски колхозов, далее следовали машинно-тракторные станции, затем – уровень района (доски, учреждаемые райкомами или райисполкомами), края или области. Кроме того, существовала даже Всесоюзная красная доска, на которую могли быть занесены особо отличившиеся сельхозпредприятия из любого региона СССР (поэтому в региональной прессе колхозникам внушалось, что за ударный труд их имена может узнать вся страна) [10]. Относительно Всесоюзной «черной» доски нам не удалось обнаружить никакой информации; скорее всего, такой доски не существовало, поскольку было бы неудобно на всю страну объявлять о недостатках, царивших в экономически и организационно слабых, обираемых властью коллективных хозяйствах.

Вообще надо сказать, что «красные» доски пережили «черные». В конце 1930-х гг. в советской прессе упоминаются лишь «красные» доски, которые теперь чаще называются досками почета; о «черных» досках упоминаний уже не встречается. Но доски почета, оставшись без своего антипода, в конце 1930-х гг. нередко превращались в пустую формальность. Как сообщал в 1940 г. бухгалтер колхоза им. Ворошилова Пашковского района Краснодарского края, «имеется, например, у нас в колхозе художественно оформленная доска почета, но почетные люди колхоза почему-то на нее не заносятся – доска почета пуста» [11].

Очень широко были распространены и такие моральные методы стимулирования трудовой активности колхозников, как переходящие красное и рогожное знамена. Красное, то есть почетное, знамя представляло собой полотнище красного цвета на длинном древке, нередко украшенное для большей пышности золотыми кистями и снабженное надписями (обычно это было традиционное «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). На уже упоминавшемся краевом совещании заместителей начальников политотделов МТС по женработе Азово-Черноморского края, проходившем 10 марта 1934 г., одна из его участниц повествовала, что в подведомственных колхозах края были созданы «бригадное и колхозное переходящее знамя». По словам другой участницы совещания, в их МТС было «переходящее краевое знамя им. тов. Димитрова» [12].

Добавим здесь, что эти знамена являлись переходящими, то есть их можно было лишиться в случае плохой (красные знамена) или, наоборот, хорошей (рогожные) работы. Процедура лишения или вручения знамени была не просто публичной, а превращалась представителями власти в целое шоу. Если получатели рогожного знамени подвергались насмешкам коллег, то колхозники, добившиеся красного стяга, бурно радовались этому событию. По свидетельствам современников, «со свистом и шумом происходит отбирание знамени у побежденного в результате соревнования звена» [13].

О внешнем виде рогожных знамен мы знаем гораздо меньше, так как они не пережили породившую их эпоху «колхозного строительства». Как правило, рогожные знамена делались из обычной мешковины грязно-серого цвета. Так, во время весеннего сева 1932 г. бригада № 11 колхоза «Червонный стяг» Краснодарского района Северо-Кавказского края получила «переходящее рогожное знамя». Тогда же в колхозе оказались фотожурналисты, запечатлевшие сей стяг для потомков. Судя по данной фотографии, помещенной в «массовом колхозном журнале» «Коллективист», рогожное знамя выглядело следующим образом: это был кусок мешковины, прикрепленный к длинной палке с перекрестьем (так что знамя получилось похожим на хоругвь). С обеих сторон этой вертикальной перекладины были прикреплены рогожные же кисти, – явная пародия на настоящие, почетные, знамена.

Наконец, к рогожному полотнищу был прикреплен лист бумаги с надписью на украинском языке, которая в переводе на русский звучала так: «Что сделал, то и получил» [14].

Кроме того, судя по публикациям в прессе и воспоминаниям современников и очевидцев, на местах рогожное знамя дополнялось еще целым рядом элементов, усиливавших его «позорящие» свойства. В частности, упоминается «рогожное знамя с эмблемой «болтуна» [15]. Как выглядела эмблема «болтуна» (или «орден болтуна»), видно по сохранившимся изображениям в газетах 1930-х гг. В частности, в номерах краевой газеты Северо-Кавказского края «Молот» «орден болтуна» рисовали в виде толстощекой, одуловатой рожи (так выглядели бюрократы в советских карикатурах) и с длинным высунутым языком. Можно предположить, что на рогожное знамя крепилось вырезанное из бумаги изображение «ордена болтуна». Во всяком случае, мы не располагаем данными о том, что этот «орден» изготавливался в металле.

В ряде случаев рогожные знамена поливали дегтем; один из современников коллективизации вспоминал, как ему за невыполнение очередной хозполиткампании «вручили ... знамя из рогожи, обмакнутое в деготь, и приказали нести его над головой, чтобы деготь лился на голову» [16]. В Вешенском районе Азово-Черноморского края в 1934 г. председатель колхоза имени Л.М. Кагановича Зубков и председатель сельсовета Солдатов при сборе налогов вручали неисправным плательщикам вымазанные в деготь рогожные знамена, которые не только ставили в домах у печи, но и заставляли ходить с ними по хутору и от хутора к хутору в сопровождении местных активистов [17]. В том же году в колхозе «Сельмашстрой» Равноапостольской МТС Азово-Черноморского края председатель вызвал одну из плохо работавших колхозниц в своей кабинет, «закрыв двери и избил, после чего заставил ее идти с рогожным знаменем по селу, подталкивая ее коленом» [18].

Рогожные и красные знамена вручались как колхозникам, так и звеньям, бригадам и даже колхозам (в этом смысле они ничем не отличались от «черных» и «красных» досок). Например, летом 1932 г., во время уборки урожая, в колхозе «МОПР» (МОПР – Международная организация помощи борцам революции – *авт.*) Ставропольского района Северо-Кавказского края звено вязальщиц Марии Аниськиной получило переходящее красное знамя за отличные производственные показатели. Такое же переходящее знамя получил и «косец-ударник» Федор Никитин [19].

Когда рогожное или красное знамена вручались сразу колхозам, это должно было стимулировать трудовую активность всех колхозников. В частности, весной 1934 г. в колхозах Ленинградской МТС Азово-Черноморского края была введена практика вручения красного переходящего знамени политотдела МТС. Это знамя было вручено передовому колхозу им. Коминтерна; напротив, переходящее «рогожное знамя болтуна» досталось отстающему колхозу им. Кавполка (Кавалерийского полка – *авт.*) [20]. В августе 1934 г. колхоз «Червона Украина» Миловановской МТС Азово-Черноморского края получил «позорное рогожное знамя» за плохую уборку, а колхоз «Новый быт» той же МТС из-за снижения трудовой активности своих членов утратил «переходящее красное знамя» политотдела, которое досталось коммуне им. Воронова [21]. В сентябре 1934 г. начальник политотдела Некрасовской МТС Азово-Черноморского края обещал, что по итогам озимого сева лучшему колхозу достанется переходящее красное знамя политотдела [22].

Применялись и другие методы морального стимулирования трудовой активности колхозников. Например, практиковалось помещение на сельхозтехнике красных и белых (или рогожных) флажков. Красными флажками обозначались машины и инвентарь передовиков, белыми или рогожными (нередко с «орденами болтуна») – отстающих [23]. «Переходящие политотдельские флажки» вручались даже отдельным колхозникам [24]. Ударно работавшие колхозницы могли получить красные косынки: правда, уже не переходящие. Как говорила одна из участниц состоявшегося 10 марта 1934 г. совещания заместителей начальников политотделов МТС по работе среди женщин Азово-Черноморского края, «мы ввели премирование отд.[ельных] групп прополочными красными косынками. Мы не ожидали, что колхозницы на это пойдут, но когда мы премировали 5-ю группу красными косынками за досрочное окончание первой прополки, то за эти красные косынки буквально пошел разговор и в газету стали писать о том, что мы боремся за получение красной политотд.[ельской] косынки» [25].

Существовали своеобразные «анналы», куда заносились фамилии колхозников-ударников. Так, в сентябре 1934 г. начальник политотдела Некрасовской МТС Азово-

Черноморского края обещал, что лучший колхозник, продемонстрировавший образцы ударного труда на осеннем севе, «будет занесен в политотдельскую книгу знатных людей» [26].

Наконец, действенным методом стимулирования производственной активности аграриев в коллективизированной деревне Юга России 1930-х гг. являлись товарищеские суды и бригадные (звеньевые) собрания с целью критики отстающих колхозников, а также «совещания лодырей». Так, в 1933 г. политотдел Армавирской МТС Северо-Кавказского края докладывал, что в колхозах устраивались «совещания лодырей». На этих совещаниях, вопреки названию, выступали ударники и стыдили нерадивых колхозников. В одной из бригад такое совещание провели по всем правилам. Поставили среди полевого табора стол, скамьи, принесли лампы, посадили слева от президиума лодырей, справа – лучших ударников. Сначала «лодыри спокойны, некоторые смеются», так как «они еще не знают, зачем их созвали». Но после заседания они были смущены и обещали хорошо работать. Закрепить достигнутый успех предполагалось путем шефства передовых колхозников над лодырями [27]. В 1933–1934 гг. в колхозе «Красный партизан» Северского района проводились собрания женщин-ударниц, где выдавали «удостоверения ударницы» и, напротив, на собраниях лодырей выдавали «позорные удостоверения» [28].

Можно заключить, что в коллективных хозяйствах Юга России (как и всего Советского Союза) на протяжении 1930-х гг. был разработан и активно использовался богатый арсенал методов морального стимулирования трудовой активности колхозников. В их число входили такие методы, как занесение фамилий колхозников (или номеров бригад, названий колхозов) на «черные доски позора» и «красные доски почета», в «политотдельские книги знатных людей», вручение передовикам и отстающим, соответственно, почетных красных и позорных рогожных знамен и флажков, удостоверений ударников и лодырей, проведение совещаний передовиков и лодырей и т.п. В определенной степени использование указанных методов давало стимулирующий эффект, благотворно отражаясь на трудовой активности и дисциплине колхозников. Но поскольку члены «сталинских» колхозов Дона, Кубани и Ставрополья нередко не получали достойной (а иной раз и вообще никакой) оплаты за свой труд, эффективность применения методов морального стимулирования изначально и весьма существенно снижалась.

Примечания:

1. Телешов Н.Д. Записки писателя. Рассказы. М., 1987. С. 230.
2. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Ростов-н/Д., 1958. С. 210.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 6. Д. 22. Л. 474.
4. Кубанский Н. Кубань штурмует большевистский сев // Коллективист. 1932. № 8. С. 5.
5. Колхозный путь. Газета политотдела Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 12 сент.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 112. Оп. 57. Д. 2. Л. 180-181.
7. Колхозный путь. 1934. 18 авг.
8. Большевистский колхозник. Газета политотдела Некрасовской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 6 окт.
9. Знамя сталинцев. Газета политотдела Березанской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 9 сент.
10. За большевистские колхозы. Газета политотдела Усть-Лабинской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 14 авг.
11. Маркин А. Повысить трудовую дисциплину в колхозах // Учет и финансы в колхозах. 1940. № 10. С. 17.
12. РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 57. Д. 2. Л. 42, 78.
13. РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 28. Л. 67.
14. Кубанский Н. Указ. соч. С. 6.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 191. Л. 12.
16. Тепцов Н.В. В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям: 1929–1933 годы. М., 2002. С. 286.
17. ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 78. Л. 67.

18. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 111. Л. 142.
19. Ставропольский М. Достойные премирования // Коллективист. 1932. № 16. С. 10.
20. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 191. Л. 10 об.
21. Ударник полей. Газета политотдела Миловановской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 4 авг.
22. Большевистский колхозник. 1934. 16 сент.
23. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 116. Л. 10; Д. 191. Л. 100б.
24. РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 57. Д. 2. Л. 42.
25. Там же. Л. 90.
26. Большевистский колхозник. 1934. 16 сент.
27. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 116. Л. 6, 7.
28. ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 101. Л. 45.

**Burlap Flags:
Methods and Results of Kolkhoz Productivity Moral Incentives
in Southern Russia of 1930s**

Vitaly A. Bondarev

South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute), Russia
Doctor of History, Professor

Abstract. The article deals with the methods of moral incentives of the members of Don, Kuban and Stavropol collective farms in 1930s, describes and characterizes the most wide-spread methods, such as “shame” and “honour” boards, burlap flags, etc., determines the efficiency of the above listed methods in optimization of Don, Kuban and Stavropol collective farms productivity.

Keywords: collectivization, kolkhoz, collective farmer, kolkhoz productivity, moral incentives, burlap flag, “shame” board.

UDC 947(470.6) "1930"
